

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Графиня Счастливая

Каждой любви —
свое небо



Галина
ГОНЧАРОВА

Попасть в историю. Фантастический переплет

Галина Гончарова
Графиня Счастливая

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Графиня Счастливая / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2026 — (Попасть в историю. Фантастический переплет)

ISBN 978-5-04-256420-8

У графа Александра Суворова война честная, с пушками и ружьями. У графини Варвары Суворовой — война тайная, с заговорщиками и шпионами. Не по вкусу Европе сильная Россия, да и на родине есть те, кто предпочтут Екатерине Великой Павла Импульсивного. Да только кто ж их спрашивать-то будет? Заговорщиков — вычислить, врага — разбить, дела — наладить, науку в нужном направлении — направить. А еще дочерей вырастить, да выучить, да удачно замуж выдать, и о прочих своих людях позаботиться. Вот и крутится Варвара, как белка в колесе. Но, может, это и есть счастье? Когда родные рядом, когда все живы и здоровы, когда любишь ты и любят тебя? Варя ответа не знает, она просто делает, что должна. Она ведь не пророк, а просто графиня. Возможно даже — Счастливая. Пять причин прочесть:

1. Новинка топового автора романтического фэнтези Галины Гончаровой.
2. Заключительная часть истории о нашей бойкой современнице Вареньки, оказавшейся в 18-м веке в теле жены Александра Суворова.
3. Сильная героиня, способная и детей вырастить, и бизнес построить, и революционеров наказать.
4. Вместе с героями этой книги вы сможете посетить бал Екатерины Великой, побывать на борту первого русского дирижабля, выполнить дипломатическую миссию в Австрии и не только.
5. Немного романтики, немного приключений, немного истории — все это в новой трилогии Галины Гончаровой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256420-8

© Гончарова Г. Д., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Галина Гончарова

Графиня Счастливая

© Гончарова Г. Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Для кого-то любовь алая,
Для кого-то любовь белая,
Для кого-то она страстная,
Для кого-то она смелая.*

*Для кого-то любовь радуга,
Для кого-то она пустыня,
Для кого-то любовь каторга,
Для кого-то она святыня.*

*Для кого-то кусок хлеба,
Для кого-то глоток света,
Для кого-то одни вопросы,
Для кого-то одни ответы.*

*Для кого-то она истина,
Для кого-то она разлука.
Кто полюбит и кто откликнется?
Кто протянет тебе руку?*

*Проходя через все испытания,
Пережив войну и потери,
Мы дождемся своих любимых
И откроем для счастья двери.*

Пролог

Лондон, декабрь 1790 года

– Русские добились своего!

Два собеседника опять сидели в той же комнате. А зачем что-то менять?

Уильям Питт-младший и Уильям же, но Петти-Фитцморрис, маркиз Лансдаун, граф Шелберн.

Кто-то думает, он отошел от политики?

Ха, политики от своего дела не отходят, если их не выносят вперед ногами. То ли яд какой содержится в этом деле, то ли еще что... власть! Что страшного во власти?

Ничего вроде бы. Но даже от наркотиков можно отказаться, а от власти – не получается.

Вроде как Шелберн и отошел в тень. Но...

Ах, это скромное слово – НО!

– Что мы можем сделать?

Граф Шелберн признавался себе честно: после того как откололись США, он не мог быть публичной фигурой. На него возложили вину за провал, тем более обидную, что он-то старался не допустить ухода колонии. Не виноват он! Ему уже все досталось такое, когда поздно что-то менять, и отвечать пришлось за предыдущих идиотов. Процессы в политике идут долго, просто их не видят, вот и получают неожиданный результат.

А что вы хотите, когда у власти такое ничтожество, как Георг? Один дурак может влегкую разрушить монолит, который веками собирали! И посадить пятно на репутацию даже самого лучшего министра. Для Шелберна публичная политика и официальные должности были закрыты. Навсегда. А вот Уилли Питт мог! Несмотря на слабое здоровье, у него хватало ума, решительности, а главное – он был до мозга костей патриотом Британии. И Шелберн тоже.

И оба они понимали, что вместе – смогут больше и лучше. Цель одна, характеры более-менее совпадают, так почему бы и не поработать вместе?!

Вот и работали.

– С Потемкиным ничего не получилось. – Питт вздохнул даже чуточку печально. – Баба же!

– Бабы – дуры, – со знанием дела отозвался Шелберн. Он-то как раз знал, о чем говорил: два раза женат был, детей наделал. – Неудивительно, что она не справилась. Надо было договориться с кем-то из лекарей...

– Пытались. Но это же надо было в поход ехать... не получилось, – поморщился Питт. – А теперь – Азовское море становится полностью русским озером, Черное море они пока еще будут делить с турками, но... это на пару десятков лет, не больше. Если дело пойдет так и дальше, турок они оттуда выгонят напрочь. Уже сейчас греки просят покровительства у русских, и Екатерина, насколько мне известно, дала согласие. Недалек тот час, когда и Средиземное море покорится русским.

– Если ничего не случится.

Уильям задумчиво кивнул.

– Да... у Екатерины с ее сыном давняя ненависть. Точнее, у сына к матери, он не может простить ей ни смерти отца, ни столь длительного царствования.

– Мы всегда можем помочь этому милейшему человеку, – пожал плечами Шелберн. – Уж где-где, а при русском дворе у нас свои люди есть¹.

– Почему бы и не помочь? – задумался Питт. – Но я не думаю, что он вернет нам Стамбул.

– Не вернет. Но будут ли русские воевать, если потихоньку, полегоньку... мы сможем их оттеснить. Русским не впервые отдавать то, за что они заплатили своей кровью, они всегда проигрывают в дипломатии².

– Вдаль они не смотрят. Хотя... справедливости ради – не все. Та же Екатерина весьма умна, но ее сын... он поддастся нашему влиянию, – согласился Питт.

– Попробуем, – подвел итог Шелберн. – Если получится, мы разом отыграем очень много.

– И надо посмотреть... у них там появился какой-то юный гений. Придумал что-то страшное на поле боя. Думаю, нам он тоже пригодится.

– Переманим?

– Если получится.

– А если нет?

– Тогда женим на подходящей женщине. Почему нет? Будет занят семьей... вот как их знаменитый Топал-паша! Правда, с ним неудачно получилось, нет бы запить после развода, а он – в драку, – хохотнул Питт. Сам Уильям выпивал каждый день, да такими дозами, что кому другому хватило бы и белочек увидеть, и зайчиков.

Слабое здоровье?

Человек со слабым здоровьем в день по три бутылки алкоголя (минимум!) не выжрет. Его так и прозвали: «Человек – три бутылки».

– И есть варианты?

– Они всегда есть. Надо пометить себе... Наполеон Бонапарт.

– Угу... и еще один бриллиант в корону Екатерины. У нее при дворе внезапно оказались дофин и дофина Франции.

Питт сморщился так, словно ему сообщили, что в Англии ввели сухой закон. Навечно.

– Их опознали. Это точно малыш Луи и его старшая сестра. Их признали и посол, и родственники, и знакомые... это точно они. Скомпрометировать не получится.

– Никак?

– Увы... я списывался с Талейраном. Епископ сообщил мне, что по этому поводу в Париже стон и вой. Они бы с удовольствием объявили детей самозванцами, но – никак! Там и де Валори, начальник охраны Людовика, и Ферзен, и де Бретейль приехал... все съезжаются к ее двору. И эта северная волчица довольна.

– Собирается отвоевывать престол для мальчишки?

– Пока она думает. Но сколько это будет продолжаться?

– Значит, нам надо действовать, – стукнул кулаком по столу Шелберн.

– Может, проще отравить мальчишку?

– И сделать из него мученика? Знамя? Нет-нет, проще сделать из него – Людовика Шестнадцатого. Или вообще Пятнадцатого, – хохотнул Шелберн. – Вряд ли при нем найдется новый Ришелье, а этот... сначала революция, потом войны, потом еще один бездарь – это окончательно добьет Францию. А мы... мы можем даже помочь Екатерине. В конце концов, Гиень, Бретань... да какого черта мы будем отдавать Франции наши земли?! Попользовались – и хватит.

– И еще процент за использование взять, – согласился Питт. – Да, пожалуй.

¹ На любой вкус. Некоторые даже официально пенсию получали. А про лоббирование в те времена вообще – петь можно. Нашим казнокрадам такое и не снилось.

² Увы.

Мужчины сидели, кроили и перекраивали мир, распоряжались чужими судьбами по своему усмотрению и знать не знали про страшное изобретение австралийских аборигенов. А зачем им?

Их дело – эксплуатировать дикарей и получать с них прибыль, а не обычаи изучать. Кому они могут быть интересны?

Бумеранг?

Нет-нет, это не к ним, с ними так нельзя, это же ОНИ!

Увы, бумеранг был неразумным и мелодично посвистывал в полете. Запустили? Ну и не обессудьте, господа интриганы!

Глава 1

Россия, 1791 год, зима

– Шарлотта!!! Ваше высочество, я счастлива!!!

Варя поморщилась. Она как раз была в Зимнем, благо по просьбе Шарлотты могла приходить хоть каждый день, и оставаться, и чуть ли не жить там.

Влетевшая в комнату дама больше всего подходила под определение из пяти букв. Такое тоже для дамы, но очень облегченного поведения.

Тут и вырез, из которого все богатства выпрыгивают, и боевой раскрас (это до полудня-то!), и высоко взбитые волосы, щедро напудренные, и сногшибательный аромат духов.

Хотя так-то симпатичная. Но под толстым слоем краски это благополучно теряется.

Шарлотта едва успела отскочить за диван. И, кажется, собралась вооружиться подсвечником.

– Моя дорогая! Вы уже забыли свою милую Жу-жу?

Шарлотта расправила плечи.

– Милая Жу-жу, извольте стоять на месте!

– Ах!

Дама почти упала в кресло, изображая обморок от человеческой неблагодарности. Кресло жалобно скрипнуло. Оно тоже было неблагодарным – такую корму принять, да с размаху! Тут и до перелома ножек недалеко!

– Шарлотта, дитя мое...

– Молчать!

Рык принцессе удался на славу. С Вари пример взяла. Жюли де Полиньяк послушно заткнулась.

Шарлотта аккуратно отошла от дивана на два шага, но рычать не перестала.

– По какому пр-раву вы, мадам, вр-рываетесь в мои покои? Кто ее вообще сюда пустил?!

– Сейчас узнаю, – подхватила Наташа.

Гвардейцы за дверью стояли и вины за собой не чувствовали.

– Кто р-разрешил?! – рыкнула Наташа.

– Она ж гувернантка ее высочества? – удивился гвардеец.

– Что приказано было? Пропускать?! – рычала Наташа.

То ли мамина учеба сказала, то ли папина генетика – гвардейцы аж подтянулись. Белая пушистая зверушка – она тоже выглядит несерьезно. Но, если это белый медвежонок – на лапшу он распустит любого, минут так за пять. И не запыхается.

Вот и Наташа – выглядела безобидно, а злилась сейчас вполне по-взрослому. И силу за собой чувствовала. Ее подругу обижать? Р-разор-рву!

– Нет, ваша светлость.

– Так какого черта? Обо всем доложу! – рявкнула еще громче Наташа. И дверью хлопнула. – Проходной двор, а не дворец! Хорошо еще, побрякушки из шкатулки не тащат! Засов надо поставить!

– Два, – согласилась Шарлотта. И перевела взгляд на Жюли, которую, вообще-то, терпеть не могла. И считала гадюкой в сиропе.

Ах, она вся такая хорошая, пушистая, все ее любят... ладно! Шарлотта еще и маму ревновала к этой пакости! Мама ей больше внимания уделяла, чем родной дочери! Это как?

Варвара улыбнулась девочке, и та расправила плечи. Довольно ей терпеть, она уже взрослая! И отлично постоит за себя!

– Еще раз, мадам? Какого черта?

– Боже, Шарлотта, разве можно так выражаться?!

Эта гадюка еще и комедию ломать продолжает? Шарлотта, недолго думая, кивнула Наташе. Та распахнула дверь.

– Ко мне! – Приказ вышел вполне себе королевским, даром что принцесса. Гвардейцы мигом влетели. – Выкинуть! И ко мне впредь не пускать!

– Шарлотта! Я же тебя на руках качала!

– Чего не сделаешь, чтобы выслужиться перед королевой. Вон!

Гвардейцы дожидаться не стали, пока дама свои телеса из кресла выдернет, подхватили Жюли под локотки и выставили за дверь. И сами улетучились. Только дверь хлопнула – и вой вдали стих.

Шарлотта опустилась на пол, где стояла. Наташа кинулась к ней, обняла покрепче, принялась гладить по голове.

– Лотта, все, она ушла, все закончилось! Лотта, все будет хорошо!!!

Варя обняла их обеих.

– Шарлотта, я тобой горжусь! Ты была великолепна! – Шарлотта прерывисто вздохнула.

– Ненавижу ее! НЕНАВИЖУ!!!

– Все, я ее больше не пушу, сама глаза выцарапаю! Обещаю!!!

– Ненавижу! Гадина! Вечно у нее яд с клыков капал! Ах, Лотта, тебе так идет это платье, ты опять посадила пятно! Ах, Лотта, ты в этом цвете выглядишь болезненной! Лотта, детям пора спать! Лотта, Лотта... кудахтала надо мной, а смотрела, как гадюка из кустов!!! Ей только деньги нужны были, и чтобы мама ее приблизила! Она ради этого из шкуры вылезала!!! Придумывала что-то, к нам лезла, восторгалась, а сама ненавидела! И сейчас... удрала, стоило только ветру подуть! Вот Мария нас любила, правда любила, а эта...

Наташа покрепче прижала к себе подругу.

– Мы тебя любим. И никогда не бросим, не переживай!

– Знаю. Даже если будем далеко друг от друга, ты приезжать будешь, я буду, я вас тоже люблю! Вы не ради денег, а эта... тварь продажная! Маме улыбалась, а под отца легла! И с дядей, и с кузеном... и всем глазками хлопала, и вся такая невинная! Стерва!!!

Наташа гладила несчастную принцессу по волосам и думала, что той тяжело пришлось в жизни. Наташе все же проще, она изначально знала, что родители ее любят. Папа, конечно, натворил глупостей, но у мужчин это бывает. Особенно когда они любят и ревнуют. Мама ей все объяснила.

А несчастная Лотта во всем этом жила...

Ох-х-х-х!

Варвара уже думала в другую сторону.

– К младшим ее не пустят?

– Нет, конечно. Там же и внуки императрицы!

– Но лучше ты сама с императрицей поговори? Лотта?

– Ты права. Чтобы эта гадина не напела ей в уши!

– Совсем ты русский язык выучила!

– Может, я тут и замуж выйду, – фыркнула Шарлотта, – а что? Вы рядом, бабушка Катрин замечательная, страна мне нравится, да и трон я сыта по горло. А тут уютно... было, пока эта погань не приползла. Пошли! Разгоним мерзавку окончательно!

– А я к младшим, – подмигнула Варвара. – Справитесь? Я послежу, чтобы она туда не приползла.

Шарлотта поцеловала Варвару в щеку.

– Тетушка, спасибо.
И получила ответный поцелуй в кончик носа.
– Я в тебя верю, детка. Вперед!
Как было не победить с таким напутствием?

* * *

Успели девушки вовремя.
Жюли де Полиньяк уже вовсю припадала к мужу, жалуясь на неблагодарность детей. Императрица слушала, впрочем, не выказывая особого сочувствия. Тоже поняла, что это за сокровище?

– Государыня!
– А, Лотта? Подойди сюда, милая. Вот гувернантка твоя жалуется, мол, ты ее выгнала. Шарлотта поджала губы.
– Если ваше императорское величество прикажет... для тех услуг, которые эта гувернантка оказывала всему двору, мой брат слишком мал, а я чересчур брезглива. Как бы она и ваш двор не заразила чем.
– Шарлотта! – ахнул Жюль де Полиньяк.
– И супруг ее тоже никем не пренебрегал, – жестко отрезала девочка. – Ваше императорское величество, умоляю, не заставляйте меня видаться с этими людьми! Они... они как та ржавчина, которая погубила кусок железа! Как самое худшее, что было дома!

Екатерина Вторая сочувственно кивнула.
– Ничего, детка. Ты иди, а я обещаю – поговорю. Все будет хорошо.
– Благодарю вас, ваше императорское величество!
Шарлотта вышла, подчеркнуто прямо держа спину. Уже за дверью Наташа подхватила ее под локоть, утащила в нишу, в которой Лотта и сползла по стене.

– Господи, как я ее ненавижу!!!
Наташа молча прижимала подругу к себе, пока Шарлотта не вытерла слезинки и не выпрямилась.
– Пойдем. Хочу побыть с детьми. С Карлом... после этой... сил нет!словно в нечистотах искупалась!
– Давай я ванну прикажу?
– Успеется. Пойдем, хочу побыть со всеми.
– Пойдем, сестренка. И не бойся, мы всегда будем рядом. Не бросим, не предадим. Суворовы в спину не бьют!
– Спасибо, Натали.

* * *

На то, чтобы побыть полчаса с Луи, Шарлотты хватило. А потом Варвара все же увела ее обратно, в покои дофины, и там Лотта снова разревелась.

Тяжело ей этот визит дался, очень тяжело.
Но она смогла себя отстоять. И де Полиньяков выставили прочь, с запретом. Больше их в Зимний не пропустят, а то и вообще могут из России выгнать, если Шарлотта попросит. В двадцать четыре часа. И правильно, пусть едут в Европу! Там свои болезни срамные разносят!
– Бедная моя детка!
Варя просто обняла Шарлотту с одной стороны, а с другой к несчастной принцессе прижалась Наташа. Так они и сидели. Потом Шарлотта чуточку успокоилась.
– Не хочу ее даже видеть. Она... она самое мерзкое, что там было, понимаешь?

Варя понимала.

Что уж... после первого курса она домой приехала, в деревню, к родителям не хотелось, пошла к бабушке с дедом, и своего отца по дороге увидела. Ужравшегося, грязного, вонючего, обоссанного, уж простите за «милые» подробности. И так противно стало, словно ей на голову ведро навоза вылили. Иногда прошлое догоняет тебя и бьет с размаху. Даже если ты ни в чем не виновата.

Что могла изменить Варя?

Что могла изменить Шарлотта?

Ничего. Но вот этот привкус мыла и навоза на языке...

– Понимаю. Ничего, Лотта, отсюда она уедет и не вернется, а ты просто сейчас пообещай себе.

– Что?

Варя крепче обняла девочку.

– То, что когда-то пообещала себе я. Не повторять ошибок своих родителей.

Шарлотта посмотрела задумчиво.

– У тебя тоже так было?

– Было, Лотта. – Варя говорила совершенно искренне. С родителями ей не так чтобы сильно повезло, в обеих жизнях, какая разница, на кого жаловаться? – Папа – кутила и мот. Мама – безвольная кукла и мотовка. И я... которая так усердно следовала их советам, что разрушила свою жизнь. Нравится?

– Нет.

– Вот. Я люблю своих родных и близких, я никогда от них не откажусь – просто не дадут, в гробу и то припомнят, на такие вещи у людей память длинная, – но повторять их ошибки я не хочу. Я увидела, какие они. Это не влияет на мои чувства, просто я такой быть не хочу. Чтобы не закончить так же, как они. Понимаешь? И ты люби своих родителей, не отказывайся от них, просто выбирай для себя дорогу чести. И не повторяй за ними их грехов.

– Да. Я папу и маму все равно люблю, но вот такое... не хочу!

– Умничка.

Шарлотта прижалась крепче. И подумала, что ей повезло. Все же – повезло! Родителей она потеряла, но встретила родных людей. А это важно.

Может, и правда выйти замуж в России? Не поедет она во Францию – и пусть ее! Это у Карла нет плохих воспоминаний, а ей туда возвращаться не хочется!

Вот!

* * *

Леопольд Второй был доволен по уши. Даже болезнь временно отступила.

Союз с Екатериной Второй принес такие дивиденды, что впору свечки в храме ставить за эту милейшую женщину! Очаровательную, право слово!

Ладно-ладно, Константинополь она себе забрала, но ведь поделится! И турок прижать можно, и торговля оживится, и вообще... красота!

Австрия получила Бухарест, Белград, Крайову, и вообще жирный кусок земель с выходом к Адриатическому морю. Теперь их придется осваивать, но это приятные хлопоты.

Опять же, между Австрией и турками теперь русские земли, и на них водятся такие прекрасные полководцы, как Суворов, Кутузов, Багратион, Дерфельден, Шаховский... перечислять – долго. Леопольд уже распорядился отправить в Российскую империю целый набор орденов, по списку. И титулы пожаловал. Это недорого, зато как уважительно! И почетно!

И торговые договора они с русскими заключили, Леопольд аж расцвел. Хотя начнешь тут и цвести, и пахнуть... нет, не розами. Удобрением!

Такие новости из Франции!

Убийство его несчастного зятя и сестры. Ах, бедная Мария-Антуанетта...

Впрочем, слезы на глаза у Леопольда не наворачивались. Не тот человек, не то время. Сестра теперь у Господа, как и все мученики, а вот как ему это разгребать? С турками разошлись с выгодой для империи, с этой стороны можно удара не ждать, но Франция!

Думаете, успокоятся?

Революция – как чума, если однажды завелась, ее уже не вытравить. И в его родной стране могут найтись любители побунтовать. Да и вообще... Франция слишком близко, чтобы чувствовать себя в безопасности!

Леопольд же официально – король Германии с 1790 года, избран императором Священной Римской империи германской нации 30 сентября 1790 года. Считаю, соседи.

И что теперь с этим делать?

Воевать?

Леопольду не хотелось.

Он предпочел бы жить дружно. Но вот... дадут ли?

Прусский король Фридрих-Вильгельм уже намекает и зовет поговорить с глазу на глаз... съездить?

Да, пожалуй.

Вот прелестное местечко, называется Пильница... а там можно и договор какой заключить. И Леопольд приказал к себе секретаря. Надо писать. И Екатерине Второй тоже... что за странные слухи о принце? Надо все точно-точно прояснить.

Коалиция – это прелестно, но и о своей выгоде забывать не стоит.

* * *

– Король-то, говорят, живой!

– Не король, а дофин, деревня!

– Сам ты деревня, это когда отец его жив был, тогда дофин, а сейчас, получается, король!

Слухи летели над Парижем, переплетались, разрастались... кто и что будет объяснять простонародью? А между тем говорят между собой господа, ловят шепотки у замочных скважин слуги и разносят, разносят сплетни дальше. Ты им рот не заткнешь!

И ползет, ползет по Парижу змеинное: «Король – жив, король – вернется...»

А еще – это революция.

То есть время, когда все зыбко и неустойчиво, когда все дорожает с каждым днем, когда сложно купить даже хлеб, когда обесцениваются деньги, прямо у тебя на глазах... и что ты с этим поделаешь?

Парижская Коммуна ничего и не делала. Не могла потому как.

Робеспьер, Шемье, Бурдон, Шометт и прочие... ну что они могли сделать? Произносить красивые речи? Оно понятно, воодушевлять и вести за собой можно. А на урожайность пшеницы это повлияет? Такой вот вредный знак, хоть ты с утра до ночи перед ним выступай, а он расти не хочет!

Еще и Законодательное собрание палки в колеса вставляет!

На пшеницу-то оно не покушалось! А на власть?!

Робеспьера как огнем жгло, прошлогоднее унижение жить спокойно не давало. По Парижу не пройдешь, или кто вслед заблеет, или кочан капусты кинут... один раз козлиную голову подбросили на крыльцо его дома!

Про женщин уж и не говорим – чувствительные к мнению общества, они совершенно не собирались связываться со всякими рогатыми... убил бы гнусную гадалку, да где ее найти? Как

в воду канула, стерва! Робеспьер горел и леденел одновременно и отчетливо понимал: избавить его от мерзкого привкуса унижения может только власть.

Большая власть!

А к ней надо было двигаться медленно и поступательно. И для начала они с Законодательным собранием приняли совместное решение, что функции полиции в Париже будут переданы Коммуне.

Собрание согласилось, еще и из-за того, что всякого ворья и прочей погани расплодилось в столице немерено. Справиться с ними не удавалось... пусть Коммуна попробует.

А как сознаются в своей бессилии, так их и разогнать можно будет! А то уж вообще наглые дела творятся! Гард-Мебль обокрасть пытались!

Правда, из драгоценностей там разве что пара брошек была, но самое ценное воры стащили³.

А еще Коммуна под шумок потребовала себе право защиты общей безопасности с правом ареста «подозрительных лиц». Жить-то хочется!

Собрание и согласилось. А через пару недель и декрет подкатил.

Против священников, не присягнувших на верность французскому государству. Какой такой Папа Римский? Ты где живешь? Вот тут и присягай!

Впрочем, тут разногласий у Собрания и Коммуны не было, так что начались аресты священников. А чего они мешают? У нас тут свобода, равенство и братство, а вы о чем? Какой такой господь бог? Какие любовь и милосердие?

А вот мы вас сейчас и возлюбим со всем милосердием!

А вот далее Коммуна вынесла постановление и объявила, какие лица считаются «подозрительными». А то чего ж просто так ходить и подозревать? Ты давай конкретно, имя, фамилию, место жительства, а главное – политические взгляды! Нечего тут от линии партии отклоняться!

И попали под это дело и парижские выборщики, и члены клуба Фельянов⁴, и все, кто был против создания лагеря федератов, и все, кого Коммуна отрешала от должности, и все, кто протестовал против декретов Национального Собрания, против суверенитета народа, против постановлений конституционных властей...

Считай – можно подписать любого.

Вообще любого, и того, и этого, и еще кого-то... Дантон произнес красивую речь и потребовал ареста всех подозрительных. И кто бы стал с ним спорить?

Тюрьмы и монастыри забили до отказа, всего было арестовано более трех тысяч человек. Революция набирала обороты.

Мадам Гильотина и так не простаивала, но теперь...

Доктор Гильотен, кстати, получил себе ежедневные домашние скандалы, потому как адская машина его изобретения получила его фамилию! Ладно бы ее луизеткой называли, как вначале!

Но гильотина!!!

И кому такое понравится? Уж точно не его семье! Хоть ты фамилию меняй!⁵

Так что доктор от власти временно отошел, какие уж тут парламенты и справедливое устройство общества, когда тебе дома жить спокойно не дают? И не дадут ведь...

А в чем он виноват? Он просто хотел равноправия!

³ Официально 1792 год, сентябрь, но у нас события чуточку ускорились, так что воры могли прийти и пораньше.

⁴ Либеральные монархисты, так что их бы точно прибили.

⁵ И поменяли впоследствии, детей у него не было, повезло, но родные постарались забыть о таком родственнике.

* * *

Варе было ни до чего.

Это еще мягко сказано. Кто-то думает, что модный магазин сам себя откроет?

Ага!

А швей? Которых в эпоху отсутствия нормальных швейных машинок надо МНОГО? И хороших, а не мадам «Осьминог», у которой руки растут из того же места, что и ноги.

Кружевницы, белошвейки, перчаточницы, и это еще далеко не весь список! А ткани? А кружево? А фурнитура? Если начать перечислять, сколько всего НАДО, сразу повеситься захочется. Но Варя сдаваться не собиралась.

Да, в Париже им было проще. Сначала они открыли маленький магазинчик, потом расширились, а когда революционной модой торговали, уже всех знали. А тут – сложнее.

Впрочем, выход нашелся быстро.

Английский магазин.

Да-да, мистер Пикерстиль собирался на родину, и Варя успела выкупить у него симпатичное помещение на углу Невского проспекта и Малой Миллионной улицы.

Конкурировать с английским магазином она не собиралась, пока точно!

Вместо этого она принялась за отделку салона.

Все обязано быть «дорого-богато», и оно будет именно так!

А еще – необычно, ярко, привлекательно – на свой лад. И если «Клеопатра» была отделана в египетском стиле, если «Свобода» привлекала трехцветными кричащими лентами, то этот магазин будет рассчитан совсем на иное.

Шикарные интерьеры, золото, хрусталь, благородное светлое дерево, золотистые и бледно-зеленые тона. Дел было столько, что голова кругом шла.

И это еще были не все идеи.

Кто-то считает, что импортозамещение – идея двадцать первого века?

Ну-ну.

Екатерина уже издала свой указ, уже запретила импортировать из Франции кучу товаров⁶.

А среди них – шелк и кружево.

Так что Варя сделала финт ушами.

Митчелл отправился в Англию за станками. Закупать – и МНОГО! Самых лучших и последних моделей.

Тимофей, Игнат, Матвей, Савва Титыч – все были заняты по уши, за строительством приглядывать надо. Тимофей и Григорий еще и своих знакомых привлекли, не одни же они отставники. Они пока горе мыкали, много кого узнали, и кому можно доверять, и кому не надо бы... Правда, в ближний круг эти солдаты уже к Варе не попадут, просто наемные рабочие будут, но это ж отлично! Когда у тебя еще два десятка расторопных людей, которые не желают оставаться на дне жизни, которые могут и умеют и командовать, и исполнять приказы, которые зубами будут держаться за подаренный им шанс на полноценную жизнь!

Подумаешь там, у кого рук-ног нет! Авось, и Гриша с Федотом тоже... и ничего! Не мешает это, если человек может и умеет работать!

Варе – точно не мешало! С ее дефицитом кадров?

Да плевать, что у тебя ноги нет! Главное, есть мозги и желание работать!

Постепенно, потихоньку-полегоньку, собирались и мастера.

⁶ Именной указ императрицы Екатерины II Сенату, 8 апреля 1793 года. В нашей истории чуточку пораньше.

Кто бежал из Франции, подальше от свободы, в которой жрать нечего, а гильотина работает без выходных. Кто здесь нашелся.

Дмитрий пришел в себя после всех приключений, встряхнулся, да и тоже помогать принялся. Пока на посылках, но хоть так! Прасковья с дочкой, кстати, оказывали всю возможную помощь. Кружевницами они действительно были от Бога и оценить чужое мастерство могли.

Так-то Варя планировала прикупить вязальные рамы и обучить мастериц, как в Англии, но это будет поточное кружево. А ручная работа – это все же другое. Коклюшки и в двадцать первом веке остались.

Савва Титыч перевез свою семью, пока они жили на строящейся фабрике, но это никого не смущало. Да и за делами ему так приглядывать было проще. Мужчина отлично влился в коллектив.

Варя уже арендовала доходный дом, куда и селила найденных кружевниц с семьями. Жилье бесплатное, она дает задание, они отработывают.

Кружева мало не бывает!

А есть еще шелк, есть еще текстиль, который сейчас из Франции не повезут, надо у себя строить фабрики. И кто первый сделает, тот сливочки и снимет.

Варя отлично понимала, что просто сидеть на кубышке с деньгами глупо. Деньги должны работать, их надо во что-то вкладывать... в фабрики?

Да хотя бы!

Прогорит?

Может и такое быть. А может и не быть, кто ж знает? Пробовать надо! Работать!

В любом случае свое ателье у нее будет, точнее модный дом. Вот сначала надо будет закрыть все его потребности, и желательно своими тканями, а потом можно и дальше развиваться.

Что она – хуже Морозова? Неграмотного крестьянина, который с ленточек начал? А его правнук уже каким капиталом ворочал? То-то же!

Авось, и она круглой душой не окажется!⁷

А станки приедут – должна быть фабрика, не под открытое ж небо их сгружать?

А к фабрике и еще кое-что! Варя уже спланировала... ладно-ладно! Что помнила, то и сделала! В советское время многое было устроено удобно именно для рабочих. Можно просто плагиатом заниматься. Нагло.

Варя и занималась.

Обсуждала идеи с братом, с друзьями. Савва Титыч вообще ругался, говорил, что так не делает никто, но потом обдумывал идеи и признавал, что доход и правда может перекрыть расход. Варя слушала, корректировала свои хотелки с учетом современности и крутилась как белка в колесе, и на детей время находила, и на друзей, и на Лавуазье... Варя вообще решила припахать его к решению сложной задачи.

Она помнила, как получали первую кирзу.

То есть она-то считала в свое время, что это кожа такая... наверное, или синтетический материал? Потом уже ей случайно рассказали. Оказалось – это специальным образом обработанная ткань. Михаил Поморцев в середине девятнадцатого века взял английскую ткань с лирическим названием «kersey», пропитал ее составом из парафина, канифоли и яичных желтков, и – ура, граждане!

У нас получилась первая кирза.

Правда, как водится, благополучно провороненная родным Отечеством. Сначала не расчухали, что человек открыл, а потом было уж и поздно, там пошли синтетические каучуки, пропитки... но пока-то до них как до Китая?

⁷ Кто не верит – смотрим про Савву Морозова. Только основателя династии.

Канифоль можно получить и сейчас, не новинка.

Парафин? А вот тут надо подобрать что-то подходящее. На замену. Или получить. Интересно, воск не подойдет? Ну и яйца есть.

Перспективы?

А нехилые такие!

Дешевые и удобные солдатские сапоги на дороге не валяются. Но надо этим заниматься. Кстати, и под это дело цех можно выделить! Где у нас месье Лавуазье?

* * *

– Барбара! Наконец-то!

Лавуазье сиял как ясное солнышко.

За это время он успел внести в таблицу все известные элементы и теперь показывал ее Варя.

Та задумалась.

Так-то... половину она и сама не помнила, и тем более не помнила все характеристики.

А вот чем можно порадовать месье Лавуазье...

– Антуан, вот смотрите, периодическая таблица потому и периодическая, что элементы в ней подчиняются строгим закономерностям.

Допустим, половину учебника Варя и сама уже не помнила, а в электронном строении атома и не разобралась. Вот, положи руку на сердце, где там частица, где волна... это кому-то важно, кроме ученых? Кто об этом в повседневной жизни думает?

Пришел с работы, упал на диван... щ-ш-ш-шас, свойства электрона повторю, квантовую физику вспомню, анатомию освежу, Достоевского перечитаю два раза, а потом и кушать можно! Нет?

Варя тоже уже позабыла многое, но повезло – на первом курсе у нее химия была, повторила. И учила она как следует, кому-то можно тройку получить, ей – нельзя. На ее аттестат тоже смотреть будут.

Так что основные закономерности она помнила. Их и показала, прямо на таблице.

Потом написала пару формул, про плотность, объем, связь молярной массы и всей этой радости... Лавуазье завис ненадолго.

А потом...

– Мадам Барбара, а откуда ВЫ это знаете?

Варя прикусила губу.

Умный человек, что уж там. Сразу уловил... нет, не закономерность. Скорее, систему. Громадную и всеобъемлющую. Когда Ваня или Варя сидят за партами, они же не думают, какая серьезная научная школа стоит за каждым написанным учебником! Сколько открытий, какая долгая дорога пройдена! И если таблица... и таблица не просто так на свет появилась, и формулы на коленочке не напишешь, это годы и годы поисков, опытов, мучений.

Но и сознаваться Варя не собиралась. Так, наполовину. В духе века.

– Месье Антуан, я могу ответить на этот вопрос, но вы будете долго смеяться надо мной.

– Мадам, я клянусь, все останется между нами!

– Это – не воровство чужих идей, если вы об этом. Но мне иногда снятся странные сны.

– Сны, мадам?

А вот в экстрасенсорике тут верят все. Вообще. От крестьянина и до короля. Королевы, Людовику Варя не гадала, что уж там!

– Я едва не умерла около пяти лет назад. Вторые роды, мне было очень плохо... чудом выжили и я, и мой сын.

Лавуазье посмотрел с сочувствием. Это он понимал.

– И с тех пор мне иногда снятся странные сны. Как будто я маленькая девочка и учусь в странном заведении. Сажу за партой и пишу в тетради.

– И вы...

– Я написала то, что запомнила. Готова была, что вы посмеетесь, прогоните меня прочь, обругаете. Я не думала, что все это настолько реально!

Лавуазье хмыкнул.

– Более чем. И вот эта формула – оттуда?

– Месье, я не смогу придумать ее сама. И судя по вашему лицу, она – верна?

– Она – идеальна, мадам.

Варя улыбнулась.

Интересно, а что говорили по этому поводу Менделееву и Клапейрону?

Она, конечно, плагиатит, но сильно у нее душа не болела. Формулу она применить никак не сможет, все останется в России. А ученые – они гении. Наверняка придумают что-то еще. Особенно Менделеев.

– Тогда, месье, вы не будете против, если я буду рассказывать вам об увиденном? Я не претендую на что-то, мне просто хочется отдать эти знания людям.

Лавуазье подумал немного.

– Нет, мадам.

– Нет? – расстроилась Варя.

Ну вот, а так все хорошо начиналось!

– Я считаю, что вы должны и обязаны принимать участие. Я не могу пользоваться плодами вашего труда...

– Но я же не трудилась!

– Без вас этого не было бы. Поэтому... я уже назвал эту таблицу – Прозоровского-Лавуазье, и далее, если вы не против, мы будем работать вместе. Но я просто настаиваю, чтобы вы тоже выступали с лекциями.

– Кто будет меня слушать? Я просто женщина!

– Нет, мадам. Не просто. Другая женщина махнула бы рукой и забыла обо всем. А вы нашли в себе смелость прийти, рассказать... мы не будем говорить про источник ваших знаний. Но знать о вашем участии должны все!

Мари, которая как раз внесла поднос с кофейником, кивнула так, что прядь выбилась из ее прически.

– Барбара, милая, если Антуан просит, то я прямо-таки настаиваю!

– Почему? – удивилась Варвара.

– Женщинам вдвойне, втройне сложно пробиться в этом мире! Я счастлива помогать мужу, я восхищаюсь его умом...

– Мари – мое счастье, моя правая рука, без нее я не смог бы работать так эффективно. И, я уверен, она и сама могла бы добиться успеха.

Варвара позавидовала даже. Так Антуан смотрел на свою супругу...

Любит.

И она его тоже.

Из чего там выросла любовь, из уважения? Понимания? Совместной работы? Варя не знала. Но это так замечательно! И глаза у них светятся от радости. И рядом с ними тепло.

Вот чувствуется, что в этой семье измен – нет. Потому что никто и никогда не даст этим двоим того, что они получают друг от друга.

– Лстец. – Мари улыбалась. – Барбара, если вы будете выступать, вы ведь сможете! И женщинам будет легче идти за вами!

– Есть княгиня Дашкова.

– При всем уважении к княгине, она талантливый организатор, лингвист, но в точных науках она не так хороша, как вы.

Спорить было сложно. Варя кивнула.

– Хорошо. Мы обсуждаем тему выступления, репетируем все вместе – и я согласна.

Мари захлопала в ладоши. Все вместе – она поняла и приняла правильно. Чуть-чуть она все же Варю опасалась. Ее муж мог увлечься, но мадам Барбара расставила все по своим местам.

Вместе. И она готова работать!

В конце концов, ей действительно нравились цифры и формулы.

Наука – это ЧУДО!

– Но и от вас, месье, мне нужна маленькая помощь.

– Какая?

Про кирзу Варя изложила. И Лавуазье серьезно задумался.

Ученый-то он великий, но деньги считать тоже умел. Это во Франции жизнь его была устроена как нельзя лучше, а вот в России? Сколько ж можно на чужой шее-то сидеть?

Наука – прекрасно, но таких уж серьезных доходов она не приносит, расходов больше получается. А вот это – идея.

Производство они организовать сумеют, но надо ж сначала найти рецепт, формулу, сделать ее окупаемой... получится?

Чтобы у него, да не получилось?

– Я возьмусь. И вы, мадам, тоже.

– Таблица хорошо, а своя фабрика лучше? – поддела Варя. – И процент от дохода?

– Слава – прекрасно, но кушать тоже хочется, – в тон ей ответил месье.

– Как истинная женщина, хочу и славу, и кушать, и еще бы шляпку, – хихикнула Мари. – Не разорваться же?

Все трое присутствующих переглянулись – и дружно рассмеялись.

Глава 2

Зимой 1791 года в Пильниц прибыли император Священной Римской империи Леопольд II и король Пруссии Фридрих Вильгельм II, племянник Фридриха Великого. В надежде склонить монархов к активным действиям против революционной Франции сюда приехали и лидеры эмигрантов – уже упоминавшиеся выше граф д'Артуа и принц Конде, а также бывший министр финансов Франции Шарль Александр Калонн, генералы Полиньяк и Буйе.

Результатом разговоров стала Пильницкая декларация, в которой была выражена большая озабоченность действиями французов.

Если уж случилось так с королем, то это беда. Но Франции следовало как можно скорее вернуть себе монархический строй. А заодно австрийские и прусские войска переходили в состояние полной боевой готовности. И готовились, если что, пойти в наступление на Францию.

Правда, желающих воевать особенно не находилось.

Среда эмигрантов пока еще была разобщена.

Кто-то верил в то, что дофин находится сейчас при русском дворе, кто-то не верил, но в любом случае – это ребенок! И взять власть себе сейчас было легко и просто. Это Людовик Шестнадцатый – Знамя! А Семнадцатый?

А он даже еще не коронован! Не считается!

Но что делать немцам и австрийцам?

А пока ничего! Что они могут делать? Перешли в состояние боевой готовности – и порадовались! А куда идти, за кого воевать... это уже потом император определится!

И почему это так не понравилось Франции?

Ровно через три месяца после заключения Пильницкой декларации Франция решила действовать на опережение и объявила войну императору Леопольду Второму. На границы королевства (республики?) выдвинулись четыре армии: Северная, Центральная, Рейнская, Южная. Примерно сто пятьдесят тысяч человек на все армии. И в основном – новобранцы.

Лафайетт удрал из Парижа в Центральную армию, принял командование и стал ждать противника. Не хотелось ему смотреть на происходящее в Париже.

А еще...

Может, и правда – повезет? И ошиблась гадалка, и найдет он на скаку свою пулю, и упадет, и не увидит, что будет с его любимой Францией? Неужели они ошиблись – тогда?!

Но ведь свобода, равенство, братство... и гильотина.

И потоки крови, которые заливают Центральную площадь. Даже не Гревскую, нет... Господь, за что караешь?!

Господь не отвечал. Наверное, обиделся за священников. А Лафайетту выть хотелось.

Они уже вступили на эту дорогу, он до конца будет защищать свои идеалы и убеждения, но... но почему все чаще ночью снятся ему темные глаза? И золотые змеи в черных волосах? И вкрадчивый ядовитый голос?

Каково это – разрушать свой дом во имя чужих идеалов? Вы ведь долго жить будете, очень долго. И помнить... согреют ли вас идеалы?

Не согреют. Теперь он точно это знал.

* * *

– Тетушка, мне надо с тобой посоветоваться.

– Слушаю, – согласилась Варя.

– Мы разговаривали с императрицей. И она предложила... аккуратно, но предложила приглядеться к ее внукам. К Александру.

Варя задумчиво кивнула.

– У вас вроде разница в возрасте? Александр старше тебя на сколько? На год?

– Да. А Константин на год младше.

А Николай вообще еще не родился.

Варя побарабанила пальцами по столу.

– Сложно сказать. Лотта, мне кажется, Александр – подловат. Может, он и станет императором, но лучше от такого брака отказаться.

Если уж его Пушкин приложил «плешивым и лукавым», если о нем никто хорошо не говорил?

И... вот честно! Отцеубийца – это клеймо. Кто-то верит, что Александр Первый не знал о заговоре Палена? Все он знал, все понимал, просто хотел власти. И это... это откровенно гадко.

Много человек хотят разбогатеть, но кто станет ради наследства травить своих родителей? Так, к примеру? Единицы. Выродки.

И такое посоветовать девчонке? Варя не помнила, но, кажется, в семейной жизни Александр тоже был той еще пакостью.

– Мне он тоже не нравится. И Костю он не любит. И своего отца. И к бабушке он подлизывается, такой сладкий, что аж гадкий.

Варя кивнула.

– Поговори с императрицей, или, если хочешь, я скажу.

– Нет-нет, я сама. Я просто скажу, что Александр мне не подходит. Он будущий самодержец, а я пока принцесса без королевства, человек без дома. Что там будет у Карла – неизвестно, а женить будущего монарха лучше на ком-то... более выгодном!

– Я бы так здорово не придумала.

– А с Константином мы можем приглядеться друг к другу. Он другой, он очень домашний, спокойный, и власть ему не нужна.

Варя историю помнила не так чтобы хорошо, про декабристов вот, про их попытку расшатать страну, но, кажется, там еще прикол был. После Александра должен был на трон сесть Константин, он отрекся в пользу Николая, и тут вылезли декабристы. Вот они солдат агитировали за Константина и конституцию. А солдатам-то никто не объяснял, что это такое... они и подумали, что Конституция – супруга Константина. Кажется⁸.

А если Константин отказался, какие отсюда выводы? Как минимум он не властолюбец. Трезво оценивает себя. А Шарлотте и не нужна власть, она уже сыта ей по горло.

– Приглядишься к Константину, детка. Мне кажется, у вас может что-то получиться. Хотя бы хорошая крепкая дружба, нет?

– Тоже будет очень хорошо, – согласилась Шарлотта. – Спасибо за совет, тетушка. Мне Александр не по душе.

– Мне бы очень хотелось видеть вас всех счастливыми, – честно сказала Варя. Даже если у нее что-то не сложится, но детей за что?

Пусть хотя бы у них все будет хорошо!

Объяснение, кстати, Екатерине Второй понравилось. Шарлотта упирала на то, что свое место знает. Вот как сестра монарха, она могла бы претендовать на большее. А как сестра монарха в изгнании, который чего еще добьется, а то и вовсе не пригодится... к чему? Будут в роду русского императора права на французский престол, и неплохо. А будущему монарху жена нужна более полезная.

Екатерина решила, что это правильно. Но пока никуда не торопилась.

⁸ Есть и такая байка.

* * *

Коалиция особо не торопилась – и куда им было спешить?

Медленно и печально союзные войска, примерно двести пятьдесят тысяч человек, двигались к границам Франции.

Написали Екатерине Второй. Не желает ли ее величество присоединиться? Она же королева, она может, у нее такие герои? Турок разбили, и французов разобьют! Авось, всем остальным и утруждаться не придется.

Екатерина ответила в том духе, что она подумает.

Глупой императрица не была, понимала, что армию из войны в войну бросать не стоит. И полководцев тоже.

Вот сейчас все устроится, тогда, через годик-другой, можно будет и подумать. Посмотреть еще, как эти европейские доброжелатели справятся. А пока...

Потемкин даже в Петербург пока еще не приехал! Вообще никто не явился!

Это ж завоевание, это не просто так! Надо устроить армию, оставить гарнизоны, кого отправить домой, кого на отдых, кого поставить в крепостях и захваченных городах – временно, да! Потом Екатерина их заменит!

Это сложно и трудно, потому и торжества в Петербурге пока прошли по сокращенной форме. Екатерина, конечно, отпраздновала, но без главных героев... нет, не то!

Ничего, она подождет.

Пока же ей было чем заняться. Екатерина приглядывалась к дофину и принцессе и тихо радовалась. Замечательные дети!

Маленький Людовик Карл был серьезен не по годам, обожал учиться и явно пытался командовать сверстниками. Хорошо, что она разрешила Суворовой привозить детей. Екатерина как никто другой понимала, что будущему королю нужна свита.

Его люди.

И если они будут русскими, а они – будут! Она же видит, как их воспитывают, она не зря разрешила Суворовой доступ в любое время, и та не разочаровала. И поиграть, и сказку рассказать, и самой посидеть, поучиться... кому покажи! Варвара Суворова учит латынь! Но учит же! И еще поддается детям, и сокрушается – ее не учили в детстве! А как хотелось бы!

Так все трое мальчишек наперебой ее учить берутся!

И Наташа!

Она от Шарлотты не отходит, но это хорошая дружба. Не ревнивая, не злая, Наташа сразу согласилась, что она ниже по положению, но – Шарлотте тяжело пришлось в жизни. О ней надо заботиться, ее надо опекать... ах, дорого бы Екатерина дала за такую подругу! Которая не станет соперничать, а вместо этого встанет за тобой – опирайся! Поддержу!

Всегда...

И как это она раньше такую семью пропустила?

Интересная женщина эта Варвара Суворова. И еще интереснее, что будет, когда они с Сашкой встретятся, уж недолго осталось!

А коалиция... да пусть их!

Сами разберутся, не маленькие! У Екатерины и тут забот хватает!

* * *

Уильям Питт-младший тоже был доволен.

Англия обязательно поддержит... обе воюющие стороны. Да-да, джентльмены не видели ничего плохого в том, чтобы продавать оружие и там, и тут. И деньгами помогать. И вообще...

пока горит Континент, Англия греет руки. И промышленность ее развивается, и армия растет... кстати, говорят, у русских появились какие-то интересные снаряды! Надо распорядиться достать парочку, изучить, что и как! И у себя производство наладить!

Или просто переманить изобретателя?

Хотя нет, это вряд ли. Он француз, и Екатерина его точно осыплет всеми благами, она ж не дура!

И в заварушку пока не лезет, оно и понятно. Несколько лет ей надо, чтобы прожевать захваченное, проглотить, переварить, потом уж можно и в Европу идти. Или – не идти, посмотрим, как сложится.

Пока ее устранять смысла нет, пусть живет.

Плохо, что Людовик при ее дворе – настоящий. Там его сложнее достать, если понадобится. Но умный человек может любое событие повернуть себе на пользу.

Уильям подождет.

Посмотрит, что будет происходить, а потом постарается получить свою выгоду.

И политик откупорил следующую бутылку. Красное вино полилось в бокал. Словно свежая кровь с поля битвы. А впрочем, какая ему разница, сколько людей погибнет? Главное – выгода.

За Англию!

* * *

– Гришка! Летиция! Наконец-то!!!

Варя с радостным визгом повисла на шее сначала у Летиции, потом у Григория.

– Уже Людмила. – Летиция подняла руку. На указательном пальце блеснуло золотом кольцо, и такое же – на руке у Григория. Да, обычай, конечно, новый, к примеру, у Варвары никаких колец не было, они с супругом только крестами обменялись, но – есть.

– Людмила? – сощурилась Варя. – Погоди-ка... а пригласить всех на венчание? А свадьбу справить?

Летиция смущенно улыбнулась.

– Какая уж свадьба, когда у невесты столько детей... мы тихонечко. Сходила я, окрестилась, ну и обвенчались с месяц назад.

Варя только головой покачала.

– Ладно, подарки за мной. Я так за вас рада!

Григорий расправил плечи. Тимофей хлопнул его по плечу.

– У нас тут тоже радости, Матвей и Даша пожениться решили.

– Ты-то себе пока никого не нашел?

– Ищу.

Варя промолчала.

Ага, ищет он. Она-то знает, кто ездит в особняк к Анне Протасовой. Поженятся? Вряд ли. Но счастливы точно будут. Разве ж Анна могла пропустить мужчину, который смотрел на нее с таким восхищением? Вот и сладилось потихоньку...

– Мы ненадолго в Петербург, хотели дом снять. – Григорий стеснительно улыбнулся. – Наполеоне приезжает, он матери письмо написал, вот, мы его тут и подождем.

– Снять? – удивилась Варя. – Ну, Гриша, от тебя я такого не ожидала! Тут места – на пять семей, а ты куда-то ехать хочешь?

– Дети у нас.

– И у меня тоже дети. И что?

Летиция улыбнулась.

– Я так и думала...

– Правильно думала, – уверенно ответила Варя. – Родню из дома не отправляют, а ты мне родня через Гришу. Через Наполеоне. И куда вы от нас собрались?

– Мы тебя тоже любим, – ответила Летиция, обнимая подругу. Скорее уж, сестру.

Варя едва носом не хлюпнула.

Семья.

Пусть чуточку странная, но главное-то есть! Они друг друга любят, и поддержат, и в спину бить не станут. А остальное – наносное.

* * *

– Шарлотта! Глазам своим не верю!

– Мария! Милая Мари! Я так рада вас видеть! Как хорошо, что вы уехали до того ужаса!

Вот сейчас Шарлотта улыбалась вполне искренне. Мария де Ламбаль ей нравилась. И приятно, что она спаслась, уцелела.

Мария поежилась, словно ветерок ее просквозил.

– Да... во Франции сейчас люди словно обезумели. Эта страшная гильотина...

Шарлотта помрачнела. А потом пожала плечами, надменно вскинула голову.

– Они хотели прав, свобод и равенства? Что ж, они все равны перед гильотиной. И нищий, и мой очаровательный дядюшка Филипп Орлеанский.

– Да, я слышала – Мария опять поежилась. – Он... мне так жалко, Шарлотта.

– Лотта? – Наташа вынырнула откуда-то с соседней дорожки. – Что случилось?

– Все прекрасно! Знакомься! Мария де Ламбаль, мамина близкая подруга. Мария, а это – Натали. Они с тетушкой Барбарой очень помогли мне, тетушка нашла нас на дороге, а с Натали мы стали как сестры.

Мария де Ламбаль примерно знала историю спасения королевских детей. Общепринятый вариант, но... сообразила она быстро.

– Натали, я рада нашему знакомству и очень хочу познакомиться с вашей матушкой и поблагодарить ее! Если бы не она... я даже думать не хочу!

– Между прочим, Мария – принцесса, – лукаво улыбнулась Шарлотта.

– Настоящая?

– Более чем.

Мария подняла брови.

Девочки явно не хотели ее обидеть, но о чем они? Впрочем, Шарлотта тут же и объяснила:

– Это семейное... у тетушки Барбары есть брат, Андрэ, и тетушка никак не уговорит его жениться. Пришлось пообещать, что мы найдем ему принцессу.

Мария удивленно подняла брови.

– Позвольте? Но...

– Нет-нет, Мария. Это шутка. Жених согласился, гости не против, осталось только уговорить принцессу.

Мадам де Ламбаль от души рассмеялась.

– Ах вот оно как? Тогда пусть уговаривают!

– Кого и на какой предмет?

Подошедшая к ним пара производила впечатление. Женщина – среднего роста, статная, держащая себя так, что кажется выше ростом, темные волосы уложены в тяжелый узел, заколотый гребнем, яркие губы улыбаются, а платье ярко-желтого цвета с черной отделкой удивительно ей к лицу.

Мужчина – высокий, улыбчивый, спокойный... и похоже, что это брат и сестра?

– Знакомьтесь. Мария де Ламбаль, тетушка Барбара, дядя Андрэ, как раз тот самый.

– Рада знакомству.

Варя не ожидала столкнуться с принцессой здесь и сейчас, но... что удивительного?

Раньше французские дворяне разбегались по германским княжествам, Италии, Швейцарии, сейчас они закономерно притянулись к Людовику. В Россию.

Екатерина была не против. Пусть свои дворяне полюбуются на результат революции!

– Дядя Андрэ, мы нашли вам принцессу, – сообщила Шарлотта.

Андрэ развел руками.

– Очаровательная мадам, кажется, нас не спрашивают?

Мария покачала головой.

Впервые за несколько страшных месяцев она улыбалась. Она могла улыбаться. После известия о смерти Марии-Антуанетты она забыла, что такое улыбка.

Но вот она – Шарлотта. И она шутит, смеется... а в волосах – седая прядь. Бедная девочка. И Мария не может ее подвести!

– Нет. Не спрашивают.

– Ну, если так... давайте хотя бы погуляем. Варя, ты останешься с девочками?

– Давайте погуляем все вместе, – предложила Шарлотта.

Так они и поступили.

Гуляли по тропинкам, разговаривали, и ледяной ком в груди Марии де Ламбаль потихоньку таял. Подругу не вернуть, но Мария может быть рядом с ее дочерью!

Только вот...

– Мадам Барбара, я раньше нигде не могла слышать ваш голос?

Варя пожала плечами.

– Могли, мадам. Я бывала в Пале-Рояль, и не раз.

Не говорить же про мадам Изиду.

– Ах, тогда может быть.

– Мы достаточно долго жили во Франции, – поддержал Андрей. – Варя у нас домоседка, а вот мне нравилось гулять по Парижу, а Тюильри вообще великолепен. А Версаль?

Взрослые чуть отделились.

Шарлотта посмотрела на Марию де Ламбаль, на ее улыбку и решительно кивнула Наташе.

– Давай попробуем. Мне кажется, они друг другу очень подходят.

Малолетние интриганки переглянулись – и хихикнули.

* * *

– Костя, я хочу с тобой поговорить.

– Да, бабушка.

Екатерину Вторую Костя любил. Она занималась внуками, играла с ними, когда могла, сказки рассказывала. И пожаловаться ей всегда было можно.

– Костя, к нам принцесса Шарлотта приехала. Что ты о ней думаешь?

– Ничего. Девчонка как девчонка. А что, бабушка?

– Я хотела бы заключить твою помолвку.

– С ней?

– Она имеет права на французский престол, это важно. Может пригодиться, не сейчас, так потом...

Костя нахмурился.

Знал он эту кухню. Если помолвка, то и брак, и не свернешь уже. А ему, вообще-то, двенадцать... ладно, почти тринадцать лет. А если он кого-то полюбит?

Если эта Шарлотта – противная фифа?

Екатерина Вторая давить не стала, внуков своих она тоже отлично знала.

– Костенька, с ней я пока о том и не говорила. Ты просто приглядишься, подумай, хорошо?

– Хорошо, бабушка. Я подумаю.

– А если не захочешь, так и другие найдутся. Я тебя неволивать не буду, ты не переживай, мальчик мой. Решение за тобой, но девочек-то показывать тебе уже пора, ты уже взрослый. Я и Саше жену приглядываю, и с ним тоже советоваться буду.

– А ты с ним еще не советовалась?

– Его-то женить придется, а тебе свободнее. И Шарлотта УЖЕ тут, а для Саши мне еще искать.

– Понимаю. Благодарю, бабушка. Я пригляжусь к этой Шарлотте.

Костя поклонился и отправился восвояси.

Екатерина улыбнулась.

Так-то... внуков своих она знает, это в две стороны работает.

Пусть все обдумает, пусть прикинет, несколько месяцев ему, чтобы переварить новость... а она пока поищет невесту для Сашеньки. Его ж тоже женить надо, и лучше вперед младшего. Боже мой, как быстро растут дети!

«ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ»

Буквы сияли так, что на весь Невский Проспект видно было. Медные, начищенные, Варя еще подсветку придумала, дорого, конечно, но того стоит!

И помещения внутри.

Варя не стала рассуждать, она просто сделала все в старорусском стиле.

Витые колонны, резная мебель из светлого дерева, зеленые и золотые тона, теплые, уютные. Кушетки манят к себе, камин отделан изразцами, стены в росписи, настоящий терем.

Роскошью здесь никого не удивить. Остается уют и спокойствие. Чтобы глаз отдохнул, чтобы тепло и светло, чтобы уходить отсюда не хотелось.

Это – Петербург. Балтийское море, Нева, она красивая, но теплых тонов здесь мало. Варя решила их дать.

И ковры на полу, песочного и шоколадного цвета, и медные светильники, и искусная резьба по дереву – дорого, но красиво.

И сама Василиса Прекрасная – и лягушкой, и царевной. Варя решила сделать это символом модного дома – девушка с лягушкой на ладони. Девушка была подозрительно похожа на Дашу. А если попроще символику сделать – одну лягушку. Мешочки с вышитой лягушкой, скромная вышивка на одежде – в потайном месте, сувениры – медные лягушечки, а для особо ценных клиентов из малахита, из зеленого стекла... это будет зависеть от сезона и суммы заказа.

Варя отлично знала, какие приемы действуют в ее время. Здесь – тоже пригодится!⁹

Какое-то время она думала про Эмму Лайон, которая как раз цвела и пахла, даже местным секс-символом считалась, но потом... нет! Не надо ей такого!

Эмма и от адмирала своего не отлипнет, а Нельсон – это Англия. Нечего сюда эту холеру тянуть.

Ну и... прямо говоря, импортная светская леди с буквы «Б» – не должна быть рекламой для русского модного дома. У нас тут не бордель с девочками по вызову. Своих красоток найдем не хуже, а то и получше, не таких потасканных.

– Дашенька, тут твое царство.

Даша сияла от счастья.

Матвей, который был доволен и счастлив за супругу, только кивал. Он получил модный костюм с вышитой лягушкой, большую часть времени он тут будет проводить. Рядом с женой.

⁹ К примеру, символ «Пума». «Адидас». «Луи Виттон». «Шанель». И многие другие.

Конечно, отлучаться придется, они все сейчас мотаются и туда, и сюда, и фабрику достраивают, и в разъездах, и договора заключают...

Это не так легко.

Варя уже подумывала, что надо договориться с кем-то на гарантированное сырье. Чтобы кто-то для нее выращивал тех же овец или коз, чтобы тот же лен или хлопок... фабрика должна работать без перерыва и выходных. Фабрика, а не рабочие, три смены по восемь часов никто не отменял.

Ничего, она справится.

Только вот...

Почему она на Земле живет?

Вот на Венере приличные сутки, почти шесть тысяч часов! Там можно все успеть. А тут... ничего она не успевает!

С ума сойти можно!

Гр-р-р-р-р-р!¹⁰

* * *

– Петербург!

Торжественный въезд должен состояться завтра. Проход по улицам, осыпание героев цветами, даром что весна, что грязи по уши, что цветы еще пойдешь найти... это никого не волновало!

Нашли же!

Наполеону все было интересно.

Россия!

Он еще никогда не был в Петербурге. Хотелось бы по дороге в Москву заехать – но не получилось. Маме он написал, и та пообещала приехать.

Мадам Барбаре он тоже написал, еще оттуда и даже ответное письмо получить успел.

Его очень любят и ждут.

Ему всегда рады.

Наполеон коснулся письма во внутреннем кармане мундира.

Греет. Когда у тебя кто-то есть, когда знаешь, что за тобой семья, – это так хорошо!

– Волнуешься?

Суворов тоже волновался. Сколько лет он дома не был! Наташенька уже выросла, радость его... последние полгода ни одного письма, даже уже больше. В порядке ли они? Здоровы ли?

И она, и мадемуазель Мари, Суворов уж и Софье Ивановне писал, но ответа не получил. Странно как-то... вот приедет – на месте разберется!

– Волнуюсь, – не стал скрывать Бонапарт. – На поле боя проще было.

– Ничего, при дворе у нас хищников нет, не укусят. Тебе есть где остановиться?

– Да. У меня тут родные.

– Родные? Приехали твои, значит?

Суворов знал, что родня Наполеоне живет под Москвой, но в подробности парень не вдавался.

– Да. Меня ждут.

– А я вот к дочке поеду сразу. В Смольный. Обрадуется, наверное.

Улыбка у Суворова была мечтательной. Наполеон не стал говорить, что Наташа точно не в Смольном. Он уже успел и написать подруге про отца и получил огромную просьбу – МОЛЧАТЬ! И еще раз молчать. Потом все разъяснится.

¹⁰ Вообще, 1 венерианский день = 243 земных дня. Но с такой точностью Варя об этом не помнит.

– Наверное, – кое-как выдал Бонапарт.
– Сейчас торжества будут, места в Петербурге свободного не будет. Учти, если что – мой дом для тебя открыт.
– Благодарю, ваше сиятельство.
Суворов, который получил недавно по почте бумаги на графский титул, улыбнулся.
Да, граф.
И Наташенька теперь не просто так, графская дочь. Красота, да и только.
Вот развестись бы еще... может, и развод теперь дадут? Он обязательно попросит.

* * *

Когда еще и поговорить, пока тебе подгоняют новое платье?
Екатерина была более чем довольна Варварой Суворовой.
Шила та быстро, постоянными примерками не мучила, платья были шикарные, необычных фасонов, выглядела в них императрица так, что придворные дамы от зависти зеленели, – чего желать?
Есть чего! У настоящей женщины желания всегда найдутся!
К примеру, вот это платье цвета спелой вишни. Которое так чудесно облегает фигуру, и шлейф асимметричный, и пряжки на плечах, и руки видны в разрезах рукавов... надо только чуть-чуть подправить и все это сразу же подшить.
Модный дом «Василиса Прекрасная» еще не открылся, но от клиенток там точно отбоя не будет.
Варвара сначала рисовала платье, потом Екатерина согласовывала фасон, потом уже все шилось. И обходилось-то достаточно дешево!
Придворные дамы о том не узнают, но за одно ее прежнее платье таких – четыре пошить можно. Ткани уходит меньше, а выглядит все...
Ах, как это шикарно выглядит! Мужчины так и облизываются¹¹.
Екатерина и разговаривала.
– Расскажи мне, матушка, что ты такое за городом затеяла? Говорят, строительство развернула всем на зависть?
Варя кивнула.
– Да, государыня. Развернула.
– И что строить будешь? Завод али фабрику?
– Фабрику, государыня, но не совсем обычную. С пристройками.
– Пристройками? Какими и для чего?
Варя кивнула. И принялась объясняться.
– Государыня, часто бывает у нас, что женщина, оставшись одна, себя и детей прокормить не может. Сгинет так муж ее – и все. Конеч. И сама она в девки гулящие пойдет, и дети ее погибнут.
Екатерина кивнула. Это было, что уж... о крепостных худо-бедно барин заботиться должен (хоть в теории), а о городской бедноте кто?
Свободные? Кушайте, не подавитесь своей свободой! Она хороша, когда в кармане деньги есть, а когда их нет... поди, и в крепости лучше бывает.
– А еще, государыня, бывает, что брюхатых баб у нас на улицу выгоняют. И идти им некуда. А она... виновата ли? Сама ли, доброй ли волей шла, или ссильничал барин, кто ж ее слушать будет? А деваться-то и некуда.

¹¹ См. платья для моделей кинг-сайз. И необязательно в стиле «разлетайка», фигуру надо не прятать, а правильно подчеркивать. Портные знают.

– Это я знаю, Варвара. А дальше что?

Екатерина и правда знала, не дура же! Только вот как сломать эту систему? И что потом делать с обломками? Лучше уж не трогать, пока хоть как-то работает, а то обломки и ее под собой погребут.

– Плетью мне обуха не переломить, государыня. Но вот как получается, мне швеи нужны, мне мастерицы надобны, а тут они на улице оказываются, там и гибнут. А работать кому?

– Хм-м-м-м-м?

– Вот я и решила. Буду принимать на работу вот таких баб. С детьми, а то и беременных. А что строю... дом. Вот коридор длинный, кухня с одного конца, со второго. – Варя, недолго думая, вспомнила, как была устроена ее общага. – Комнатушки на одну семью. Здесь – жить. А вот рядом – два здания, это школа, а вот это садик для детей.

– Школа? Садик?

Идею Варя объяснила быстро.

Екатерина задумалась.

С одной стороны – странно это, раньше так не делали.

С другой стороны – почему нет? Сейчас как рабочие на фабриках живут, лучше и не думать. И не знать даже. Она, конечно, знает, но что сделать-то можно?

Ничего¹².

– Значит, пока родители работают, за детьми приглядят, накормят их два раза горячим и учить будут?

– Да, государыня.

– Платить, понятно, ты меньше будешь, а через несколько лет оно и окупится.

– Почему нет, государыня? Из Франции мы много чего не получим, не до торговли им сейчас. Свое развивать надо. Станки мы выписали, они приедут, о сырье я договариваюсь, сеять будем, и рабочих я вот так найду. Они еще и уходить от меня не захотят. И расширяться буду – искать долго не придется, дети ко мне пойдут. Из своих тканей будем платья шить, чего нам на Европу оглядываться?

Екатерина задумчиво кивнула.

– Пожалуй что. Но грамоте их учить? Стоит ли?

– А как же, государыня? – Варя смотрела с улыбкой. – Еще как стоит! Станки – дело сложное, тупому да неграмотному с ними трудно будет. Сломает станок – потом чини, а это простой, делу убыток. А если человек с руками, с головой, он и не ломает, а то и сам починит. Опять же, неграмотного человека легче на бунт подтолкнуть, он что услышал, тому и поверит. А если человек соображать будет, его уж так легко с толку крикуны не собьют.

– Посмотрю я, что получится. Но дорого это встанет.

– Потом окупится, – уверенно сказала Варя. – Обязательно. А деньги для того и надобны, чтобы работали. В гроб я их с собой не сложу, детям-внукам хватит, так, может, и на дело потратить? Чего сидеть-то на них? Лучше я родной стране пользу принести попробую.

– Пользу... с бедняками возишься... – Не то чтобы императрица осуждала, а словно вспомнила о чем-то неприятном.

– А с кем же еще возиться, государыня?

– У меня вот Смольный не досмотрен. Де Лафон уволена, а кому дела передавать теперь? Кто этим займется?

Варя и думать не стала. Ей ли не знать?

– Государыня, так есть женщина, которая и занялась бы с радостью, и сделала бы много, и воровать точно не стала, не та у ней порода.

¹² О том, что такое фабричные бараки, лучше читать не на ночь. И как там люди жили – тоже. После такого коммуналка с коридорной системой – рай.

- И что ж это за бриллиант такой?
- Мария де Ламбаль, государыня.
- Де Ламбаль...

Екатерина вспоминала. А Варя и забывать не надо было, потому что где Шарлотта, там и мадам де Ламбаль, а рядом и Наташа, и братец подозрительно интересоваться стал красивой француженкой. Почему бы и не да?

Только вот с домашней клушей Андрею быстро станет грустно и скучно. А если Мария станет директрисой?

Есть подозрение, что выиграют все.

И Смольный тоже. Пусть директриса будет замужем и счастлива, а не вот это... деплафонистое!

– Принцесса. И благотворительностью занималась.

– Посмотрим, матушка. – Екатерина опять пришла в хорошее настроение. Может, потому что Варя закончила подкалывать юбку и можно было посмотреть на себя в зеркало.

Хороша!

Как есть – красotka!

В ее бы семнадцать такое платье, но и сейчас отлично! Бедра подчеркнуты, и юбка при движении чуть расходится и показывает нижнюю, и туфельки видны, и шлейф тянется, причем не обычный, тяжелый и скучный, а асимметричный, изящный, с ломаным краем, но как же это замечательно выглядит!

Она словно двадцать лет сбросила.

И Платоша так и норовит руки протянуть! Очень ему это нравится!

– Ты бы, матушка, еще что для мужчин придумала.

– Мне ли тут хвост поднимать, государыня? Григорий Александрович и лучше, и ловчее меня придумал. Какую он замечательную реформу в армии проводить стал – ему только в ноги поклониться можно. Гениальная идея!

Екатерина улыбнулась. Когда твоего мужчину так-то хвалят, и на душе теплее. Это же и ее заслуга, найти такого, рядом с собой удержать, и не короной ведь держала, а умом, характером, чувствами!

– А ты ему о том скажи, ему приятно будет.

– Когда позволишь, государыня.

– Чего ж не позволить, как приедет он, так ему и скажешь.

Варя низко поклонилась.

Потемкин в доступе?

Отлично! Заверните, беру!

Глава 3

Народ шумел и восторгался, по случаю победы на улицы выкатили бочки с вином, устраивали фейерверки, Петербург гулял. Гулял и двор.

– Александр Васильевич, дорогой!

Екатерина Вторая от души протянула Суворову руку, к которой тот и припал.

– Если бы не вы!

Потемкин почти отечески улыбался.

Он-он! Под личным и чутким руководством лично Григория Александровича.

Есть сомнения?

Потемкин тут ночи не спал, недоедал, не... ладно, опустим для ясности! Руководил, не отрываясь!

Екатерина сияла как ясное солнышко.

Потемкин предсказуемо получил ордена и отныне будет именоваться, как и предугадал: Потемкин-Таврический-Константинопольский. А то как же?

Суворов получил графский титул и отныне именовался граф Суворов-Рымникский, а от союзников ему пришлось пожалование в титул князя. Итальянского. И тоже орден, правда, на поместье не расщедрились.

А вот Екатерина Вторая не поскупилась. Пожаловала ему еще земли, неподалеку от Гаджибея.

Награждение одного, второго, третьего... дошла очередь и до Наполеона.

– А вот и наш юный гений? Левушка Бонапарте?

Наполеон низко поклонился.

– Счастлив приветствовать, ваше императорское величество. И служить великой стране, в которой надеюсь обрести свой дом и свое счастье!

Екатерина почти отечески протянула ему руку.

– Служи, Левушка, а от меня отказа не будет. Про чин тебе уж сказали? Подполковничий? Заслужил честно! И земли я тебе пожалую из казны, и денег дам, и душ крепостных. Стройся, обживайся, там и женишься, дети пойдут. А случится война – позову. Много ты нам людей сберег, для меня это важнее всего.

Наполеон поклонился. И словно за язык кто дернул.

– Высшая доблесть солдата – не только умирать за родину свою, но сделать так, чтобы умирали враги его родины¹³.

Екатерина оценила.

– Благодарю за службу, Левушка.

– Моя жизнь и честь принадлежат моей императрице.

Екатерина погрозила пальцем и улыбнулась. Прикрепила орден – и прошла дальше.

Наполеон остался стоять с блаженной улыбкой.

Подумать только! Ордена! Чины! Земли!

И все это потому, что спас он когда-то в темном парижском переулке маленькую девочку. Не рассчитывая на награду, просто помог – и вот он здесь! А могло бы и не сложиться. И где бы он был сейчас? В своем полку? И не было бы снаряда, который назвали его именем, не было бы пули, не было бы... да ничего бы и не было! Даже подумать страшно!

Обязательно надо рассказать Натали и синьоре... и маме тоже, как можно скорее, и написать, и позвать ее в Петербург.

– Чего стоим, Лева?

¹³ Нечто близкое сказал генерал Паттон. Не все его афоризмы достойны памяти, но этот – правильный.

Князь Шаховский дружески хлопнул Бонапарта по плечу.

– В себя прийти не могу, – сознался Наполеон. – Ваша...

– Просто Николай, мы с тобой в одних чинах. Очень нам твои снаряды помогли.

– Не до конца ж. – Наполеон посмотрел на культю левой руки князя.

Николай Леонтьевич махнул рукой.

– Все не предусмотреть, турка с саблей так точно! Но кажется мне, когда б не твои придумки, мы бы так далеко не прошли. А и прошли бы, так сколько людей потеряли?

– Я рад.

– Союзники уже прознали, уже расспрашивают. Надолго секрет не удержим, конечно, но уж сколько достанет!

Наполеон улыбнулся.

Он и сам не подозревал, что его изобретение даст такой эффект! Но не отказываться же?

– Есть тебе где остановиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.